

— Господин, прошу, наслаждайтесь.

Едва Гу Хэн переступил порог, как в поле его зрения попала картина, от которой у него перехватило дыхание.

Крупный, широкоплечий незнакомец, совершенно нагой, стоял на коленях прямо у входа. Его тело, словно высеченное из камня, с отчетливыми и плавными линиями мышц, представляло собой зрелище, от которого буквально веяло первобытной мужской силой. Мужчина держал над головой кожаную плеть.

Его узкая талия и прямая спина казались безупречными, если бы не перекрещивающиеся на коже шрамы — старые и совсем свежие. Однако они не портили его, а придавали некую болезненную, порочную красоту. Это было настоящее искушение, способное свести с ума!

У мужчины были благородные черты лица, а челюсть, сжатая от напряжения, казалась особенно острой. Он слегка опустил голову, скрывая выражение глаз, но от него исходило ощущение абсолютной, мертвенной безнадежности. Это чувство неминуемого конца неприятно кольнуло Гу Хэна.

— Ты и есть тот раб-самец, которого Ассоциация защиты сюн-чунов навязала мне в принудительном порядке?

Гу Хэн отвел взгляд, чувствуя себя неловко, и прикрыл рот кулаком, чтобы скрыть смущение. Хотя за то время, что он здесь находился, он уже успел осознать всю болезненность устройства общества Расы насекомых, сейчас он был просто ошарашен. Его взгляд то и дело невольно возвращался к гостю.

Мужчина перед ним был абсолютно гол! А ведь Гу Хэн по своей природе — чистокровный гей. В этот момент ему хотелось лишь сказать: парень, ты играешь с огнем!

Стоящий на коленях мужчина не догадывался о хаосе, творящемся в мыслях Гу Хэна. Услышав вопрос, он внезапно побледнел.

Хэ-эмис мгновенно все понял. Этот господин вовсе не хотел заводить себе раба-самца, возможно, его даже принудили к этому. Он сразу догадался, чьих это рук дело. Все это было лишь способом растоптать его достоинство как военного самца, заставить его барахтаться в грязи без надежды на спасение. Хэ-эмис никогда не думал, что однажды его будут использовать как бесправную вещь, которую можно передарить по прихоти. Как же это нелепо и горько.

Хэ-эмис в отчаянии закрыл глаза, ожидая приговора. Жестокий и своенравный господин наверняка начнет изощренно издеваться над ним. В конце концов, эти высокомерные сюн-чуны только и умеют, что находить радость в мучениях самцов.

Он криво усмехнулся и произнес спокойным тоном:

— Прошу господина наказать меня.

Гу Хэн посмотрел на это изваяние, которое даже не шелохнулось, ожидая кары — нет, вернее, на этого представителя Расы насекомых — и впервые ощутил глубокую беспомощность.

— Вставай, — Гу Хэн потер виски, чувствуя, как начинает пульсировать боль в голове, и указал рукой на коридор: — Последняя комната пуста, пока поживешь там.

Хэ-эмис замер, поднял голову и посмотрел на господина сверху вниз, словно оценивая его. Тон сюн-чуна прозвучал на удивление мягко. Это разительно отличалось от резких, неприятных голосов других представителей этого вида, с которыми ему доводилось сталкиваться. Хэ-эмису на мгновение показалось, что он ослышался.

Когда он наконец разглядел лицо господина, его дыхание сбилось. У того были редкие черные волосы и темные глаза, изящный профиль, длинные густые ресницы и бледные губы. Будучи в прошлом прославленным генералом Империи, Хэ-эмис видел немало высокородных сюн-чунов, но сейчас, глядя на этого юношу, он невольно замер. Приходилось признать, что у этого сюн-чуна была необычайно редкая, утонченная красота.

Впрочем, он тут же разочаровался. Как бы красиво они ни выглядели, все сюн-чуны одинаковы. Жесткие и бестолковые! Хэ-эмис не мог представить, что такое ангельское лицо может принадлежать существу, способному пороть самцов.

Он долго ждал, но привычного сценария не последовало. Однако Хэ-эмис не был наивным ребенком, чтобы поверить в милосердие господина. Поэтому он помедлил, прежде чем подняться. Убедившись, что сюн-чун не собирается менять решение, он направился к комнате.

На полпути он снова услышал голос господина. Хэ-эмис усмехнулся про себя: ну конечно, как сюн-чун может измениться? Но в следующую секунду он услышал нечто совершенно иное:

— Впредь дома не нужно ходить без одежды.

Спина Хэ-эмиса мгновенно напряглась. Он не понимал, что это значит. Опустив взгляд на шрамы, покрывавшие его тело, и на жесткие мышцы, он горько усмехнулся. Должно быть, господину просто противно смотреть на его уродливое тело.

Когда он вошел в комнату и закрыл дверь, его мышцы наконец расслабились. Никаких кровавых наказаний. Все прошло подозрительно гладко. Даже если господин не любит его тело, это не имеет значения. Военные самцы никогда не пользовались особой симпатией у сюн-чунов. Хэ-эмис ни на что не рассчитывал.

Тем временем Гу Хэн вернулся в свою комнату и первым делом включил оптический компьютер. Это была самая дешевая модель, которую он купил за двести звездных кредитов. Функций было до обидного мало, но доступ в сеть имелся, и для нынешнего нищего Гу Хэна этого было достаточно.

Гу Хэн был обычным университетским преподавателем, пока неделю назад внезапно не оказался в мире Расы насекомых. Очнувшись в больнице, где его почтительно называли господином, среди высокотехнологичных приборов, которых не существовало в человеческом мире, он осознал всю необычность своего положения. Он солгал, что потерял память, чтобы никто не узнал, что он — пришелец из другого мира.

За эту неделю он узнал много нового, что полностью перевернуло его представления о жизни. Здесь существовало три пола: сюн-чуны, военные самцы и суб-самцы. Сюн-чуны стояли на вершине иерархии, но были физически слабы, словно цветы в оранжерее, и пользовались величайшими привилегиями и защитой. Военные самцы обладали мощным телосложением и высокой регенерацией, они защищали границы Империи. Высокие нагрузки приводили к психическим бунтам, в состоянии которых их разрушительная сила становилась неуправляемой.

В такие моменты феромоны сюн-чунов были жизненно необходимы. Однако большинство из них не желали тратить силы на успокоение грубых военных самцов. Многие самцы, не получив помощи, прибегали к подавителям псионической энергии, но этот противоестественный метод лишь усугублял побочные эффекты при следующем бунте, делая процесс еще более мучительным. Если военный самец не переживал бунт, он превращался в лишенное разума чудовище. Даже если он был героем множества сражений, его конец был предрешен: смерть от рук бывших сослуживцев и забвение в реке истории.

Напротив, суб-самцы были красивы, ласковы и легко удовлетворяли извращенные желания сюн-чунов, поэтому пользовались у них куда большей популярностью.

Гу Хэн до сих пор не мог понять, как он, человек, превратился в сюн-чуна, но результаты анализов не оставляли сомнений.

Он открыл информацию о своем новом статусе:

Имя: Гу Хэн

Возраст: 24

Психическая энергия: отсутствует

Вторичная дифференциация: не пройдена

...

Супруг: нет

Наложник: нет

Раб-самец: Хэ-эмис

Гу Хэн перешел к досье Хэ-эмиса. Первое, что бросилось в глаза — это изображение статного самца в безупречно отглаженной военной форме, подчеркивающей его широкие плечи и узкую талию. Но больше всего поражали темно-золотые глаза, в которых застыла смертоносная аура человека, прошедшего через ад. Взгляд, острый как клинок, от которого невозможно было уклониться.

Столкнувшись с этим дерзким, непокорным взглядом, Гу Хэн на мгновение задержал дыхание.

<http://bllate.org/book/18581/1789142>